

Николай Леушев

п. Урдома,
Архангельская обл.

Молоко с творогом, синие тапочки, или Уроки жизни

– Не бахвалься... – сказала она, грустно улыбаясь.

Сочиняю что-то с ходу – растормошить, а то скучная сегодня. Сидит пригорюнившись в углу дивана, нога на ногу, ладошка – под щеку. В платочке. Смотрит вдаль...

– Я в детстве тоже любила бахвалиться... А шустрая была-а-а! Где поют или на гармошке играют – я уже там! Ни кино, ни вечерок у нас не было. Деревня маленькая – десять дворов всего. Наш? Наш крайний был. Изба уже старая, прохудилась. Зато вид из окон! На реку, просто-о-ор! А прямо под окнами поле начинается. Рожью засеют – летом так и ходит, тёмно-зелёное, волнами. И васильки, синие-синие! Выйдешь в рожь, стоишь, стоишь, и слышно: динь-динь, динь-динь... Тонко-тонко! Это колосятся, когда спелые, друг о друга звенят...

Расскажу... Лет десять мне было... Слышу, на другом конце играют, у тётки Дёхи.

Родня? Да все, наверно, родня – фамилия одинаковая. А так всё тётка Дёха, да тётка Дёха, полное-то имя Евгения, а за глаза – Дёха.

Баба она высокая, ещё крепкая, хоть куда, на голове плат чёрный, в синей юбке до пят, на ногах галоши. Вдвоём с мужем живут, справно живут, детей у них много, но дети уже отдельно, взрослые. По продналогу даже молоко не сдают, по старости, а коровку держат.

Веселье у них – сыновья приехали. На праздник, на Петровки было. У сыновей жёны баские, за рекой браны, – певуны-и-и! Поют, пляшут! Степан, сын, на гармошке играет. Глухой был и говорил плохо, наверно, даже глухонемой, а вот на гармошке хорошо играл. Под окнами избы пляшут. Я смотрю. Да говорю же: ни кино, ничего не было, ходили – смотрели.

Вдруг как-то все быстро – в избу, я тоже за ними и – к окну, на лавку, недалеко от стола. Да ходила и раньше – родня дальняя тётка Дёха-то.

Дак вот, все в избу и за стол садятся. Стол большо-о-ой, богатый, много всего наставлено и ещё носят – и тётка, и молодухи: рыбники больши-и-ие, рыбу они хорошо ловили, колобки... да, да, на сковородках на маленьких таких пекли. «Пинег» – пирог. И ещё чего-то приносили, всего теперь и не припомню...

А вот приносят творог! Молоком залит. Блюдо большо-о-ое... Да... Коровы-то у нас тогда не было... Не скажу, чтобы сильно голодали, нет, хлеб был, папа председателем работал, Толя уже работал, на трудодни немного получали. Но молочка не было. А помню, сильно хотелось...

И вот – творог. Больши-и-ие такие куски, жёлтый и молоком залит...

На подоконнике у них кременья, мужики курили – искру высекать, коробочки от спичек... Мы, ребята, любили играть... Долгонько они сидели...

Домой прибежала – у нас уже тоже за столом сидят. Первая тут Зойка сидела, большая уже была, годов пятнадцати, но не работала, припадки у неё были, жалели

её... Нянчилась она. Рядом – Толя, потом – Коля, за ним – Витя... Дальше – маленькие, мальчиков двое было, Володя и... Ты их не знаешь... Умерли они рано, я не рассказывала... Мама с краю, там – бабушка, Кристина Даниловна. Ей уже за девяносто было... Да, девяносто три, глухая уже совсем была, а крепкая, водилась с маленькими. Ши-и-ибко меня любила. За ней Рая, Градя. Папа у окна.

Ну вот, я в избу и с порога: «А я-то! А я-то! У тётки Дёхи и пирогов! И колобков! И молока с творогом наелась!!! Вот!» И лезу по лавке на своё место, к Вите. А ребята – Толя интере-е-есный такой был – не пускают, прижимают спиной к стенке! Да... Даже бабушка заругалась: «Да пустите вы Маньку на место!» Сильно меня любила. А те: «Смотрите-ка! Смотрите! Пирогов да колобков наелась, а картошку-то как трескает!»

Что на столе было?.. Да говорю же, хлеб был, картошка была... Да, в мундире, с утра сварена, тут почищена, с квасом, да в квас лук зелёный накрошен, хорошенько всегда луку нарезано. А вот забелить нечем было...

Поели. Бабушка с Зойкой со стола убирают, маленьких спать собирают, а мы с мамой – огород поливать. Воду носили с ручья, вернее, с болотинки, ручей-то подсох – середка лета. Колодец рядом, но там вода холодная. Две доски перекинуты через болотинку – мосточки, вот с них черпаем и носим вёдрами.

Идёт Дёха. На колодец. За водой.

Колодец большой, журавль высокий, бадья здорову-у-ущая, на два ведра, к ней шест длинный, толстый, а противовес – камни, в сетке, в старой. Гляжу: мама заторопилась и крюк делает – с Дёхой встретиться... «Спасибо тебе! Тётка Евгения! Спасибо!» – «За что Анна? Спасибо-то... За что?» – «Да как же – за что! Девку мою накормила – напоила и колобками, и творогом, и пирогами, она давеча домой прибежала – така довольнущая, ещё и робят дразнит!..» Отпустила крепкая Дёхина рука шест. Взлетел «журавль» в небо, вода обрушилась вниз,

качается бадья, бухает о столб... «Не накормила!.. Не накорми-и-ила я её!.. Анна!..» И как-то нелепо – некрасиво нагнулась – поклонилась тётка, разведя при этом руки...

Дёха с пустыми вёдрами идёт по чавкающим мосточкам, как будто что-то вспоминая, черпает машинально, с полведра, из болотинки. Уходит, сгорбившись...

Мы снова носим воду. Идём по меже, трава густа-а-ая... Крапива. Тёмно-зелёная, злая, с семечками... Мама нагибается, голой ладонью забирает, ди-и-ивно так в руку, прямо за коричневые стебли, рвёт... И быстро сует её мне под юбку. В ноги... Не носили тогда ни трусов, ни чулок!..

Нет, не плакала... А видно, понимала, что сделала что-то такое... Стыдное, как это... Неприличное... Ночь ту, поди-ка всю не спала, суну руки под юбку, там пузыри... Пузыри...

Бабушка сразу что-то почувствовала. Спать ложиться, – слышу, подседа к маме: «Чевойно с девкой сделалось? Пришла, не поела ничего, легла сразу...» Мама что-то шепчет ей в ухо... После долгой паузы бабушка: «Да-а-а... Худо ребятам без молочка-то... – И протя-я-жно так: – Ху-у-удо...»

Молчу... Потом, хрипло, что-нибудь сказать – растерянный какой-то, прибитый:

– А... Сколько лет Кристина Даниловна прожила?.. (Сам знаю – сто.)

– Да около ста было, когда померла-то... Та-а-ак... Да, девяносто восемь! Старенькая уже совсем была, а по дому шевелилась. Потом «уходить» стала...

Как уходить-то? Расскажу, если хочешь... И про тапочки... Про синие тапочки, хочешь? – Щепоткой, как ягоды, собирает слезинки со щёк, по-детски, пальцами трёт глаза. Улыбается, уже светлее... – Да просто уходить стала, соображала уже плохо. Вот сидит, сидит, встанет, платочек повяжет, батажок в руку – и пошла. Домой, в деревню... А это сто километров с лишним, мы уже в посёлке тогда жили. Все за ней, искать! Потеряется ведь...

Да... Вот и я, наверно, скоро так же побегу... – грустно смеётся. – В посёлок мы не по своей воле переехали, а за папой. Его

туда в сорок первом послали. На войну просился, не взяли – старый. «Здесь твой фронт!» – секретарь и военком в один голос сказали. И как передового председателя, «по партийной линии» послали поднимать отстающий колхоз, «Имени Восьмого марта» назывался. В нашем «Труженике» мы хорошо жили, на трудодень по два килограмма уже получали, а туда приехали – ахнули, у них и по четыреста грамм не выходит! А народ там!..

До сих пор помню: осень, стою на берегу, встречаю наших – папа перевозит всю нашу семью. На катере: мама, Зоя, Коля, Витя, бабушка, маленькие... Скарб, хлеб, зерно. Катер пришлось с баржой брать, хлеба одного – мешков десять, да картошка...

Весь колхоз высыпал на берег – новый председатель переезжает! Я – в толпе, меня папа раньше привёз, большая уже была. Передо мной полупьяный крикливый мужик Жданов, ругаясь, орёт: «А чего не жить-то некоторым! Хлеб-то баржами возят!» И тут же попадает «в оборот» к бабам: «Да ты бы так-то жил! Дурак ты пьяный! Люди хлеб действительно баржой привезли, дак ведь они его не украли, а заработали! А детей, смотри, у них сколько – девять человек! Ты бы так-то хлеб зарабатывал, лодырь ты пьяный!»

Люди там никого не слушались, никому не подчинялись. Бабы коров подоят, молоко в бидоны, бидоны – в тусса и за пять километров, к железнодорожному мосту, в посёлок, продавать. А до колхозных работ, до колхозных коров никому и дела нет. Какие там «килограммы» на трудодни.

И стали мы там жить: папа с утра до ночи «колхоз поднимает», мама бригадиром работает, тоже с утра до ночи, Толю на войну забрали, мы, кто постарше, – в район, в школу. Дома – маленькие да бабушка, Кристина Даниловна, под присмотром Зои.

В школу ездили на лодке, на одной, иль когда на двух, – сколько учеников набиралось. Гребли попеременно. Да, конечно, со взрослыми. Доезжали до пристани, а там пешком. В тот год я заканчивала семилетку, к экзаменам готовилась...

А! Тапочки-то! Да «износились» мы все, как переехали. И до войны трудно было, хлеба не хватало, с одеждой туго было, но кое-как выкручивались. Лагерь «помогал». Заключённые «тянули» железную дорогу на Север, рядом с деревней был – семь километров. Деревенские частенько выменивали у конвоиров всякие тряпки: наволочки, наматрасники, портянки, какую-то обувь. Особо любили охранники менять своё барахло на солод, пиво варили.

Из наволочек мама шила платица, кофточки, из чёрных наматрасников – куртки, штаны. Так и жили. А как переехали, да война, – как нищие стали!

Но той весной пошла я в школу в новой обуви! Тапочки это были. Как сейчас помню. Увидала их – у меня сразу что-то ёкнуло, радостно стало! Чудо что за тапочки! Сверху брезентовые, синие, подошва резиновая, на шнурках, шнурочки чёрные, плетёные. Чудо что за обувь!

Появились они неожиданно – от родственников, сын бабушкин в подарок ей привёз. Из Устюга проездом. Ну а бабушка, конечно, сразу мне, Марусе! Девке уже пятнадцать, а всё босиком. Любила меня. Да-а-а...

Ну вот я и щеголяю в них!.. – Улыбается глазами. – Как щеголяю-то? А я тебе сейчас расскажу!

Просыпаюсь я рано, вернее, мама будит. Быстро завтракаю, одеваюсь: сверху – плат, мамин, жакетка, тоже мамина, ломоть хлеба мама суёт в сумку, тапочки. Нет, не на ноги, за пазуху... и бегом до берега. Лодка уже ждёт, учеников сегодня немного, восемь человек да двое взрослых. Вода ещё большая. Плыть до пристани больше часа, можно и подремать, глаза слипаются... Солнце уже высоко, но холодно, ноги мёрзнут. Я лучше за вёсла! Вернее, за одно, гребут по двое. Вот так-то веселее!

Наконец и пристань показалась – большой белый дебаркадер. Теперь до райцентра, конечно, пешком! Хорошо, на дороге снега уже нет – только лужи. Бего-о-ом! Три километра всего: мост через ручей, дальше – домики, деревушка справа, Заречье,

всё ещё в воде, снова домики, потом – бойня, второй ручей. Вот здесь и ноги помыть и тапочки надеть, дальше – деревянные мостки, село. Школа!

В школе гладкие крашенные полы, приятно погулять, а где и пробежаться за подружкой по коридору, пока учителя нет. Не скользят, не валенки. Резиновые! И ноги прятать не надо под парту... Обрато до конторы леспромхоза мостки – в тапочках, а там до самого дома, понятно, босиком! Экзаменов мне сдавать: математика, русский, география, история... Много! Но не боюсь, учила, готова, знаю. Пятёрки, четвёрки... И Фаина Александровна, классный руководитель, уверена во мне, хвалит меня. Сда-а-ам!.. – Замолкает надолго. Гаснет... Смотрит в окно...

– Ну и как экзамены-то?! – тормошу снова. – Не рассказывала ты ни разу...

– Не сдавала я экзамены. Работать пошла сразу. Не ходила я... Не в чем было идти на экзамены... Умерла бабушка, любимая бабушка, Кристина Даниловна. Надо хоронить, а в гроб положить не в чем. На ноги нечего надеть. Ну, не-че-го!.. Надели тапочки...

Сижу напротив. Слушаю. Весь скованный, «деревянный», сил нет пошевелиться...

– Вот... В молодости недоедали... Работали всё... Закалялись, так и живёшь долго, – тупо пытаюсь шутить, сменить тему, – «лечебное голодание», семьдесят пять – возраст!

– Да... Лечебное... – снова грустно улыбается. В пергаментных морщинах застряла мутная слезинка... – Поехал уже? Так скоро?!..

– Да... Надо... Работа, – вру. – На площадке не выходи, форточки... Не провожай...

Внизу привычно оборачиваюсь: высоко, на площадке четвёртого этажа худенькая фигурка. Крестит. Меня. Машину. Спаси и сохрани!..

На дворе холодно, сыро. А я все ещё там – в том жарком летнем дне, на скамье у окна, рядом с той, голодной, босоногой девчонкой Манькой, моей мамой... Чужая изба, чужие люди. Не оборачиваясь, спиной, чувствую, вижу, что на столе. Пирог, творог... На стекле бьётся муха. Тягостно, долго длится застолье... Нет никаких сил встать, пройти мимо стола, выйти вон. Влажными ладошками всё перебираю и перебираю какие-то камешки, коробочки, тряпочки...

Наша изба. Все давно уже спят, на полу, на полатах жарко. С краю спит деловой Толя, потом молчаливая Зойка, дальше – Коля, там Витя, мама... рядом маленькие, Рая, Градя, даже бабушка, Кристина Даниловна, уже спит. Совсем поздно пришёл папа, лёг с краю, сразу уснул...

Тихая белая ночь стоит над деревней. Не спит одна Манька, в окно ей виден кусок неба, неподвижная берёза. Небо зелёное. Звезда... Нет, не плачет, лишь изредка длинно прерывисто вздыхает...

Тут же – весна, лужи, хрустящий, колкий ледок. Босая девчонка на дороге в школу, за пазухой тапочки, на сердце праздник...

И у меня весна, а пасмурно, печально на улице, на душе. Не плачу. Разучился. Старый. Мне уже столько, сколько и Дёхе в том далёком тридцать восьмом...

Но набухает что-то комом в груди, в горле. Давит... Наконец дождь... На лобовом стекле. Ничего не видно. Расплывается всё... Это «дворники» плохо работают...

Разворачиваюсь на «сплошной», скорей вернуться!

